

№11(40) ноябрь 2015

ВСТРЕЧА

Вестник Местной православно религиозной организации приход в честь
Сретения Господня в г.Калуге Калужской Епархии Русской Православной Церкви
(Московский Патриархат)

Дорогие братья и сестры!

Даже далекие от веры люди часто употребляют евангельскую фразу «*полюби ближнего, как самого себя*», которая предполагает такую последовательность: сначала человек учится любить себя, и лишь потом по этому образцу – ближнего. Но что означает любовь к самому себе, что же это значит – любить себя по-христиански? И как это сделать современному человеку, который заблудился в зеркальных лабиринтах собственных двойников, пузырей и фантомов и не понимает уже, когда он действительно любит себя, а когда – надувает очередной «пузырь»?

Как наш современник понимает любовь к себе? Очень просто: как возможность осуществить свои желания. Что бы такое еще приобрести? Чем бы себя еще украсить? Радости такая «любовь» к себе приносит немного. Вернее, приносит - но ненадолго. Потому что требуется все новая и новая подпитка, новые удовольствия: не хочу жить в избе - хочу в палатах, не хочу быть просто крестьянкой - хочу быть столбовою дворянкой... Но наркоман увеличивает дозу, а обычный доморощенный пьяница не может выйти из запоя не потому, что каждая новая рюмка делает его более счастливым - а чтобы избавиться от мучительной тоски похмелья. Ибо «*какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*» (Мф. 16, 26). Другими словами, любить себя, руководству-

ясь слоганом «Я этого достойна», - путь неверный и тупиковый. Так что же есть именно христианская любовь к себе?

На этот вопрос у церкви имеется вполне конкретный ответ. Любовь к себе – это прежде всего соблюдение заповедей, уподобляющих нас Христу. Вот как пишет об этом святитель Игнатий (Брянчанинов): «... *ты не гневаешься и не памятозлобствуешь – любишь себя. Если не клянешься и не лжешь – любишь себя. Если не обижаешь, не похищаешь, не мстишь; если долго терпелив к ближнему твоему, кроток и незлобив – ты любишь себя. Если благоговяешь клянущих тебя, молишься за причиняющих тебе напасти и воздвигающих на тебя гонение, то любишь себя; ты – сын Небесного Отца, который Своим солнцем сияет на злых и благих, Который посылает дожди Свои праведным и неправедным. Если приносишь Богу тщательные и теплые молитвы из сердца сокрушенного и смиренного, то любишь себя... Если ты до того милостив, что соболезуешь всем немощам и недостаткам ближнего твоего и отрицаешься от осуждения и унижения твоего ближнего, то ты любишь себя*». Это краткое описание правильной христианской любви к себе можно приводить на память всякий раз, когда в разговоре об эгоизме вдруг прозвучит аргумент «возлюби ближнего, как самого себя». Чтобы каждый апологет разумного эгоизма мог сравнивать свои представле-

ния о ее смысле с тем, о чем на самом деле говорит Библия.

Человек - это образ Божий, покрытый многочисленными наслоениями греха. Много в нашей жизни и в нас самих есть того, что можно только оплакивать и никак нельзя, да и невозможно любить! Но вот образ Божий в нас - это святость. И беречь его в себе, очищая от этих самых наслоений, и любить - это долг христианина.

Любовь к себе, которая является основанием для любви к ближнему, это любовь к образу Божьему в себе, любовь к своему достоинству христианина, ощущение высочайшей ценности своей личной свободы, которая неотделима от ответственности, связывающей нас с нашими ближними. И именно так, как мы должны любить себя в евангельском смысле, мы должны любить ближних.

Есть простое, но бесконечно мудрое правило святых отцов: ненавидь грех, но люби грешника. Понятно, что при таком понимании «разумного эгоизма» сразу же исчезает вопрос о мере. Коротенькое слово «как» в заповеди «*Возлюби ближнего, как самого себя*» означает не «в той же мере», а нечто иное. Относись к любому другому человеку так, как будто он - это ты сам.

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!
С уважением и искренними пожеланиями помощи Божией, иерей Евгений Левченков

Доктор Лиза.Сын (История о том, как сложно простить)

Эта история произошла в хосписе, где я работала. Старика привезли к нам в конце рабочего дня. Из анамнеза удалось установить, что живет он один, лечения не получал или получал давно. Опустившийся, с запахом устоявшегося перегара, безразличный к окружающему. Подняв карточку в архиве, узнали, что болен он почти пять лет, была операция, в больнице не появлялся с момента операции. Больше не обследовался, не наблюдался, не приходил, на звонки из регистратуры не отвечал.

На следующее утро в хоспис пришел мужчина — спросил, поступал ли к нам больной Н. Сестры отправили его ко мне в ординаторскую.

— Вчера привезли Н. В какой он палате?

— В шестой. А Вы родственник?

Мужчина вздохнул, и, глядя в пол, ответил:

— Сын.

— Вас проводить к нему?

— Нет. Скажите, что ему нужно принести?

— Может, еду, что-нибудь, что он любит.

— А что он любит?

— Не знаю. Думала, Вы скажете.

— Он не жил с нами.

Тридцать лет назад развелся с матерью.

— Я могу пройти в палату с Вами.

— Нет. Не могу.

— Почему?

— Ненавижу. Я из-за матери пришел.

Она просила.

— Он Вас обижал?

— Не помню. Пил. Помню, как мать плакала.

Он приходил каждый день, как по часам, с пяти до семи и сидел в холле хосписа, сцепив руки и глядя в одну точку. Иногда, устав сидеть, подходил к окну и подолгу смотрел на улицу.

Справлялся о состоянии Н., приносил фрукты и пленки и уходил, чтобы вернуться на следующий

день и проделать то же самое. Это продолжалось почти месяц. Изо дня в день. С пяти до семи.

Когда Н. умер, мы позвонили по указанному им телефону. Было три часа дня. Через полчаса он был в хосписе. Спросил, что нужно делать и куда идти, чтобы похоронить. Мы готовили необходимые бумаги, я попросила подождать немного, пока будет готов эпикриз.

Он подошел к закрытой двери палаты, где лежал Н., взглянул на меня вопросительно, и, когда я кивнула, немного постоял молча и — все же вошел туда.

СВЯЩЕННИКИ: ПРИНОСЯЩИЕ ЖЕРТВУ

У некоторых людей и даже целых общественных групп, не знающих реальную церковную жизнь и испытывающих к Церкви неприязнь разной степени интенсивности, весьма распространены следующие карикатурные образы священника. Это может быть малообразованный пузатый дармоед с хитрыми глазками, разъезжающий на хорошей иномарке и только и думающий о том, как и где бы урвать побольше денежек в качестве вознаграждения за службу. Впрочем, если есть «толстый», рядом должен быть и «тонкий». Поэтому в этих карикатурных описаниях рядом всегда маячит мрачный, высохший от «нелюбви ко всему живому» фанатик, привыкший издеваться над ближними из квазирелигиозных соображений.

В общем, всё как в 18 веке, когда товарищи просветители вывели формулу происхождения религии, считая, что она возникла от встречи дурака с мошенником, а священник и есть этот мошенник и служителю «опиума для народа».

Для людей знакомых с церковной жизнью такие образы крайне далеки от реальности – и в плане образованности священников, и в плане их материального достатка, и, самое главное, в плане любви к людям. Если бы огульные критики знали, что, например, часто священникам приходится из-за загруженности завтракать скорее ближе к ужину. Или что многие священнические семьи, особенно на селе, из-за многодетности и невысоких доходов живут в прямо-таки стесненных обстоятельствах. Мне недавно пресс-секретарь одной епархии рассказывал, что зарплата священников на селе, особенно там, где осталось очень немного жителей, составляет... три-пять тысячи рублей. Некоторые священники даже вынуждены, например, заводить пасеку, чтобы на продажу добывать мед. И уж конечно совсем далек от реальности образ злобного священника, душителя всего чистого и светлого. Вообще особенности священнического призвания таковы, что идти туда должны люди максимально самоотверженные, готовые на самопожертвование. А объяснение этому можно услышать в древнегреческом слове, которым обозначали священников.

Всем хорошо знакомо слово «иерей», которое является синонимом слова «священник». Как и многие другие термины из церковной лексики, оно имеет греческое происхождение. Словом ἱερεύς (hierēus) в Древней Греции назывался любой священнослужитель или жрец, вообще приносящий жертву. Позже оно стало обозначать и священнослужителя новозаветной Церкви. Оно является однокоренным с глаго-

лом ἱερεύω (hierēō), что значит «приносить жертву», «закалывать для принесения в жертву», «закалывать для еды». И тогда слово «иерей» в переводе с древнегреческого буквально означает «приносящий жертву».

В таком буквальном значении слова есть глубокий смысл. Во-первых, оно более чем понятно и объяснимо исторически. Во все времена и во всех религиях так называемые «служители культа» были посредниками между людьми и высшими силами, которым эти люди поклонялись. И одной из самых важных обязанностей священнослужителей еще в Древней Греции было принесение жертв этим высшим духовным силам.

Другое дело, что религии были и бывают разные, и люди в них поклоняются разным богам. Православное духовенство признает свою непосредственную связь с ветхозаветным духовенством, потому что поклоняется и служит тому же самому Богу Библии, «Богу Авраама, Исаака и Иакова».

Также в христианстве совершенно другой характер имеет понимание жертвы и жертвенности в плане взаимоотношения между Богом и человеком. Бог принес Себя в жертву за людей, чтобы через крестную муку искупить их от вечной смерти: «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате...». Также во время Литургии Христос всякий раз Сам приносит Себя в жертву, благодаря чему христиане имеют возможность соединиться со Спасителем, причастившись Его Тела и Крови.

А священник должен подражать в своей жизни и своем служении ни кому-нибудь,

а самому Христу. Поэтому, например, в Русской Церкви есть такой выразительный обычай. Во время рукоположения в священники епископ снимает у женатого рукополагаемого обручальное кольцо с пальца и кладет его на престол в алтаре. Это символ того, что рукополагаемый как бы обручился с Церковью, и его подражание Христу и служение пастве отныне будут настолько самоотверженными, что даже семья для него должна отступить на второй план.

И как Христос принес Себя в жертву за людей, так и священник должен в своем служении приносить себя в жертву. Поэтому священник и значит буквально, не метафорически – приносящий себя в жертву. Это может выражаться в полной и безусловной готовности на смерть во время гонений. Или в мирное время в полной самоотдаче себя служению Богу и людям. Священническое призвание на самом деле очень тяжело, и никаких человеческих сил на него бы не хватило, если бы не помощь свыше. Кстати, говорят, что среди кандидатов в священники в духовных школах даже гуляет такая поговорка по поводу решимости принять сан: «Достойных нет, есть смелые». Будущие священники уже прекрасно понимают, насколько тяжело, практически невозможно одними человеческими силами держать на соответствие этому высокому призванию – подражанию самому Христу, и имеют смелость рассчитывать лишь на Божию помощь в своем будущем служении Богу.

ВОСЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ И БОРЬБА С НИМИ

Чревообъедение «Их бог – чрево» (Флп. 3: 19)

(Продолжение. Начало в №№ 6(35), 7(36), 8(37), 9(38), 10(39) 2015)

Как и всякая страсть, чревообъедение, чревоугодие происходит из вполне естественной человеческой потребности. Человек имеет нужду в пище и питье; это одна из витально-органических его потребностей. Кроме того, яства и питье – дар Бога; вкушая их, мы не просто насыщаем организм питательными веществами, но и получаем удовольствие, благодаря за это Творца. К тому же трапеза, застолье – это возможность пообщаться с близкими, друзьями: она объединяет нас. Вкушая пищу, мы получаем радость от общения и подкрепляемся телесно. Недаром трапезу святые отцы называют продолжением литургии.

На службе нас объединяет духовная радость от совместной молитвы, мы причащаемся от одной чаши, а потом разделяем с близкими по духу людьми и телесно-душевную радость. В первые века христианства после евхаристии устраивались так называемые агапы, или вечера любви, где христиане за общим столом вкушали пищу, ведя духовные беседы. Поэтому во вкушении пищи и употреблении вина нет ничего греховного и скверного. Все зависит, как всегда, от нашего отношения к этому действию и от соблюдения меры.

Где же эта мера, эта тонкая грань, отделяющая естественную потребность от страсти? Она проходит между внутренней свободой и несвободой в нашей душе. Как говорит апостол Павел: «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 12–13).

Свободны ли мы от привязанности к пище и питью? Не владеют ли они нами? Что сильнее: наша воля или наши желания? Апостолу Петру было открыто от Господа: «Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым» (Деян. 11, 9). И нет греха во вкушении пищи. Грех не в пище, а в нашем отношении к ней.

Но давайте по порядку. Святитель Игнатий (Брянчанинов) так определяет страсть чревообъедения: «Объедение, пьянство, нехранение и разрешение постов, тайноедение, лакомство, вообще нарушение воздержания. Неправильное и излишнее любление плоти, ее живота и покоя, из чего составляется самолюбие, от которого нехранение верности к Богу, Церкви, добродетели и людям».

Страсть чревоугодия бывает двух видов: чревобесие и гортанобесие. Чревобесие – это обжорство, когда чревоугодника интересует больше количество, а не каче-

ство пищи. Гортанобесие – лакомство, наслаждение гортани и вкусовых рецепторов, культ кулинарных изысков и гурманства. Страсть чревообъедения (как, впрочем, и многие другие пороки) достигла своего уродливого апогея в Древнем Риме. Некоторые патриции, чтобы бесконечно наслаждаться на великолепных пирах, заводили себе специальные приспособления из птичьих перьев, чтобы после того, как чрево будет пресыщено до отказа, можно было, вызвав рвоту, опорожнить желудок. И снова удовлетворять безумную страсть чревоугодия. Поистине «их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном» (Флп. 3, 19). Недаром люди пресыщенные, страдающие чревоугодием очень редко интересуются духовными вопросами. Культ пищи, телесных наслаждений не позволяет вспоминать о горнем. Как говорили святые отцы, «тучные птицы не могут летать».

Чревообъедение, винопитие рождает и другую телесную страсть – сладострастие, блудную похоть. Как говорится, «сласти (то есть чревоугодие) рождает страсти». Пресыщение чрева не только не позволяет думать о Боге и молитве, но и очень мешает хранить себя в чистоте. «Кто наполняет чрево и обещается быть целомудренным, тот подобен утверждающему, что соломой остановит действие огня. Как невозможно соломой удержать стремительность разливающегося огня, так невозможно пресыщением остановить глгучее стремление непотребства», – говорит подвижник IV века преподобный Нил Синайский.

Чем лечится страсть чревоугодия? Святые отцы советовали любой страсти противопоставлять противоположную ей добродетель. И бес чревоугодия «изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Пост вообще великое воспитательное средство. Блажен, кто приучен к воздержанию душевному и телесному и неукоснительно соблюдает установленные церковные посты и постные дни.

Тут хотелось бы немного сказать о смысле православного поста. Пост сейчас соблюдают многие. Но правильно ли соблюдают? В ресторанах и кафе на время постов появилось специальное постное меню. Дикторы телевидения и радио говорят о начале поста. В продаже имеется немало кулинарных книг с рецептами постных блюд. Так в чем же суть поста?

Пост – это не диета. Пост, особенно Великий, святые отцы называли весной души; это время, когда мы особенно внимательно относимся к своей душе, внутренней жизни. Прекращаются супружеские плотские отношения, увеселения. До революции во время Великого поста закрывались театры. Постные дни установлены, чтобы

мы иногда замедляли сумасшедший бег суетной земной жизни и могли посмотреть внутрь себя, своей души. Постом православные христиане говеют и причащаются Святым Таин.

Пост – время покаяния в грехах и усиленной борьбы со страстями. И в этом нам помогает вкушение постной, более легкой, низкокалорийной пищи и воздержание от удовольствий. Думать о Боге, молиться, вести духовную жизнь легче, когда тело не пресыщено, не отягощено. «Чревоугодник называет пост временем плача, а воздержанный и в посте не смотрит угрюмо», – пишет преподобный Ефрем Сирийский. Это одно из значений поста. Он помогает нам сосредоточиться, настраивает на духовную жизнь, облегчая ее нам.

Второе значение пощения – жертва Богу и воспитание своей воли. Пост – установление не новое, а древнейшее. Можно сказать, пост – первая заповедь человеку. Когда Господь дал повеление Адаму вкушать от всех плодов райского сада, кроме плодов древа познания добра и зла, Он установил первый пост. Пост – это послушание божественному установлению. Богу не нужны всесожжения и кровавые жертвы; Ему нужно «сердце сокрушенно и смиренно» (Пс. 50, 19), то есть наше покаяние и смирение, послушание. От чего-то (хотя бы от мяса, молока, вина и некоторых других продуктов) мы отказываемся ради послушания Ему. Приносим в жертву наше воздержание, ущемление своей воли.

Еще одно значение поста – в воспитании воли и подчинении ее духу. Постом мы даем понять чреву, «кто в доме хозяин». Человеку, не привыкшему поститься, дисциплинировать себя, очень тяжело обуздывать страсти, бороться с ними. Христианин – это воин Христов, а хороший воин находится в постоянной боевой готовности, постоянно тренируется и обучается, держит себя в форме.

В Церкви нет ничего случайного и бессмысленного. Не соблюдающие пост, пресыщенные никогда не узнают настоящего вкуса пищи, этого дара Божия. Даже праздничная трапеза для не постящихся становится чем-то вполне обыденным, а для постящихся даже скромное застолье после продолжительного поста – настоящий праздник.

Пост чрезвычайно полезен и в супружеской жизни. Супруги, привыкшие к воздержанию во время постов, никогда не пресытятся своими интимными отношениями, они всегда желанны друг для друга. И наоборот, пресыщение ведет либо к взаимному охлаждению, либо к излишествами и изощрениям в интимной жизни.

(Продолжение в следующем номере)

ЛЮБОВЬ БЕЗ СНИСХОЖДЕНИЯ

Современный цивилизованный мир очень активен. У него масса врагов и нерешённых задач. Он борется за равенство полов, за любовь к животным, за сохранение природы, им же разрушенной... Борется за терпимое и любовное (в конце концов!) отношение к любому устройству быта, вплоть до содомского.

Говорят, борцы за всемирное счастье хотят добра. Но загвоздка в том, что они похожи на сошедшего с ума человека, который добром считает то, что здоровому и на ум не приходит. Если брать шире, все пороки современной цивилизации — это «христианские добродетели, сошедшие с ума», по удачному выражению Честертона. К ним относится и толерантность, дитя дурно понятого евангельского всепрощения.

Но мы знаем, что прощение не означает оправдания: мол, ничего страшного. Прощать — не значит отказываться от стержневой идеи различения добра от зла. «Ты виноват, но ты прощён», — это Евангелие. «Ты не виноват», — это толерантность. Все виды долга — религиозного, общественного, семейного — так уменьшили своё давление на личность, что, кажется, почти исчезли. И человек, загипнотизированный сказками о неприкосновенности личности, готов благословить всякое человеческое «хочу» и оправдать им свои желания и действия.

Конечно, вполне нормально, если человек говорит: «Хочу жить, как люди, а не как скотина, хочу есть хлеб, а не солому, хочу спать в постели, а не в хлеву». Но порочно, когда человек, привыкший говорить «хочу», живёт по принципу: «Хочу купаться в молоке ради гладкости кожи. Хочу быть владычицей морской, а рыбка чтоб была на посылках. Хочу весь мир зажечь с четырёх сторон ради мелкого тщеславия и недостатка острых ощущений. Хочу жить, как вон те живут, и хочу ничего не делать, как и они ничего не делают».

У «хочу» нет конца. Почему же человечество всё кланяется и кланяется, всё разглагольствует об уважении прав личности, о терпимости-толерантности? В конце концов, оно даже дерзает приплести к этому Христа и Им себя оправдывает: Он, дескать, заповедал всех любить, а значит, всех терпеть, а значит, всё благословлять, а значит, всё одинаково и нет ни греха, ни добродетели. Ладно бы сказал человек: «Я — мелкий негодяй и бытовой развратник. Все, похожие на меня, милы мне как братья. Нет у меня сил их судить. Потому я — за снисхождение и за терпимость, то есть за толерантность к грехам и слабостям». В таких словах можно даже разглядеть евангельскую черту — признание своей немощи и отказ судить других: я не сужу, авось не осуждён буду.

Но человек не говорит таких слов. Не выгодно ему свой грех назвать грехом, а не добродетелью. Он не только каяться не хочет, он хочет своим грехом гордиться. Он выставляет свой греховный образ жизни как форму самовыражения, чтобы затем потребовать от нас уважать его личный выбор. Именно к этому причалу направлен кораблик социальной толерантности. И мы улыбаемся ему, боимся назвать грех грехом, тогда как нам потихоньку забираются на голову.

Для трезвой самооценки человеку необходимы мужество и благородство. Мелкий паршивец, чувствуя кожей и узнавая из новостей, что таких, как он, в мире множество, что количество действительных членов «тайного братства паршивцев» неуклонно увеличивается, ни за что не захочет каяться в своих грехах. Он скорее скажет, что горд своей свободой и имеет право грешить, а право это ему не кто иной, как Господь Бог, лично даровал. Как выразился недавно в Англии один епископ-гей: «Меня таким Бог создал, и я за это Богу благодарен». Свалил свои смертные грехи на Господа Бога и ещё поблагодарил Его за это! Уму непостижимо.

Но, к счастью, Христос реальный отличен от Христа выдуманного. Он повелевает, требует, запрещает, спрашивает. Реальный Христос с ненавистью говорит об учении николаитов, называвших себя христианами, но живших блудно, в компромиссе с языческим миром (Откр. 2:15).

Это евангельское умение относиться с ненавистью к некоторым, и весьма многим, учениям и различным способам поведения есть обратная сторона умения любить: кто никого и ничего не любит, тому не на что гневаться и нечего ненавидеть. В День оный Христос скажет одним: Придите ко Мне, благословенные (Мф. 25, 34), а другим: Отойдите от Меня, проклятые (Мф. 25, 41). Это будет в высшей степени не толерантно, но это будет справедливо и истинно. И ещё Он скажет тем, кто думал,

что во имя Его творил чудеса и изгонял бесов: Отойдите от Меня. Я никогда не знал вас (Мф. 7, 23). Всё это Он скажет в конце истории человечества, но объявил об этом заранее, чтобы мы не дерзали отделять милость от справедливости и не усыпляли себя мыслью о всепрощении.

То, что Господь не спешит казнить, но продлевает времена милости, не говорит о Его безразличии делам человеческим. Через это, по слову апостола Павла, благодать Божия ведёт тебя к покаянию (Рим. 2, 4). Человеку же свойственно обращаться благодать Бога нашего в повод к распутству (Иуд. 1, 4). А распутству свойственно искать себе оправдания. И дело доходит до того, что раньше говорили «бойся и не греши», а теперь говорят «греши и не бойся». Именно потому, что Бог любит человека, нас ожидает Суд. А был бы Бог безразличен к человеку, всё было бы иначе.

Слово Любовь принадлежит Богу более, чем людям, поскольку это Его имя. А слово «толерантность» совсем не относится к Богу, поскольку Он в высшей степени не безразличен к делам человеческим, у Него на всё есть Своя точка зрения, и Ему до всего есть дело. Толерантность — это даже не снисхождение и никак не сострадание, а попустительство и усыпление совести. Это анти-любовь, слепое безразличие. Если любви несносно смотреть на гибель любимого, то для толерантности этой проблемы не существует.

Можно, конечно, перепутать любовь и толерантность или смешать оба понятия. Но эта смесь способна существовать лишь до появления мыслей о Создателе. Как только слово «Бог» произнесено и мысль о Нём вспыхнула, любовь начинает отделяться от толерантности, словно масло от воды. Она начинает подниматься вверх, оставляя внизу тяжёлые и неуклюжие земные понятия.

Андрей Ткачев

Так как газета содержит цитаты из Священного Писания, изображения икон и храмов, убедительно просим Вас по прочтении не использовать её в хозяйственных целях. Прочитав, передайте ее другому читателю или верните в храм.

Адрес редакции: г. Калуга, ст. Тихонова Пустынь, ул. Западная, д.27. Священник Евгений Левченков т. 8-910-510-4691
Редактор Бессонов А.В. т. 8-903-513-5639, abessonov@bk.ru, www.sretenie.su, тираж 900 экз. Цена свободная.